

УДК 81'272

**ВОПРОСЫ ПЛАНИРОВАНИЯ СТАТУСА ЯЗЫКА В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ США И РФ)**

© 2013 г.

А.О. Лалетина

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова

alaletina@yandex.ru

Поступила в редакцию 25.01.2013

Представлены результаты комплексного анализа теоретического и эмпирического материала, направленного на выявление и описание особенностей языковой политики России и США в глобализирующемся мире.

Ключевые слова: глобализация, языковая политика, статус языка, английский язык, русский язык.

Все определения глобализации (независимо от того, рассматривается ли глобализация как 1) исторический период развития общества, 2) парадигма описания происходящих в обществе процессов или 3) дискурс, стимулирующий социальные процессы) включают политический компонент. Другими словами, все исследования глобализации прямо или косвенно затрагивают вопросы, связанные с интересами участников глобализации и действиями, которые они предпринимают для достижения своих целей. Планирование освоения языков в глобальном мире включает освоение государственного языка, родного языка (для национальных меньшинств) и английского языка как глобального языка-макропосредника. Дополнительным фактором, оказывающим влияние на языковую политику, является многоуровневость глобализации, вовлеченность в глобализационные процессы транснациональных коммерческих и некоммерческих организаций. Основной проблемой разработки языковой политики в международных организациях является баланс между необходимостью наладить эффективную коммуникацию в многоязычном контексте и сохранением равенства языков, их коммуникативных статусов и значимость для мирового культурного наследия [1–3].

Сравнительный анализ языковой политики Соединённых Штатов Америки и Российской Федерации в контексте глобализации интересен тем, что США зачастую рассматриваются как главный «экспортёр» глобализации, в том числе культурных и языковых норм [4]. Так, Д. Кристалл отмечает, что именно нормы американского варианта английского языка являются основой глобального английского [5]. Р. Филлипсон характеризует процесс распространения английского языка как «лингвистический империализм» стран Запада по отношению к «стра-

нам третьего мира», язык при этом служит инструментом империализма (колонизации, установления власти), средством распространения идеологии [6]. Активная роль США в глобальных экономических, политических и культурных процессах, а также длительная история иммиграции в США послужили толчком для выработки соответствующих направлений языковой политики с учетом принципов обеспечения эффективной коммуникации и возможностей реализации политики государства, с одной стороны, и принципов мультикультурализма и толерантности как требования современного общества – с другой. Российский опыт может служить альтернативной моделью эффективной языковой политики. Думается, что сопоставление и анализ форм языкового регулирования является первостепенным для разработки дальнейшей программы действий.

Одной из дискуссионных проблем теории языковой политики является само понятие «языковая политика». В отечественной научной литературе используются также термины «языковое планирование» [7], «языковое строительство», «национально-языковая политика» [8]; зарубежные исследователи наряду с терминами «языковая политика» и «языковое планирование» используют термины «языковой режим» (language treatment) [9], «развитие языка» (language cultivation) [10], «языковая инженерия» (language engineering) [10], «языковое управление» (language management) [11]. Варьируется и объем терминов. Так, широкое определение языковой политики включает любую «форму контроля (в том числе и отсутствие контроля, например, *laissez-faire*) со стороны политической власти и/или общества по отношению к языку в отдельно взятом политическом образовании» [12], узкое же определение затрагивает только «юридические (законода-

тельные) меры регулирования языковой ситуации». Аналогичный принцип разграничения объема применяется и к понятию «языковое планирование», которое трактуется либо как «широкий спектр действий по языковому регулированию» [7], либо как «деятельность по подготовке нормативной орфографии, грамматики и словаря как руководства для пишущих и говорящих на данном языке» [13]. Для обозначения языкового регулирования на институциональном уровне – например, выбора языка для внутрикорпоративного общения и общения с сотрудниками в других языковых регионах – используется термин «лингвистические стратегии» [14].

Многообразие подходов к определению языковой политики и ее наполнения обусловлено в первую очередь динамическим характером самого явления. Языковая политика меняется вместе со сменой политического устройства, модели организации экономических отношений и идеологической парадигмы политической власти и общества. Прагматически оправданным представляется выделение следующих компонентов языковой политики: планирование корпуса, планирование статуса и планирование освоения языка. Данная классификация не является новой в теории языковой политики: Х. Клосс [15] предложил проводить границу между планированием статуса языка (определением статуса и функциями языка в обществе) и планированием корпуса (определением языковых норм – выбор письменности, орфографии, лексики и грамматики). Позднее Р. Купер [16] добавил к этим двум сферам третью – планирование освоения языка, т. е. определение того, какие языки и как должны преподаваться населению. Концептуально три сферы отличаются друг от друга, в общественной же практике они тесно переплетаются. Наделение языка статусом официального влечет за собой его стандартизацию и разработку программы внедрения, в том числе в сфере образования.

В рамках настоящего исследования проводится анализ теоретического и эмпирического материала по планированию статуса языка как одного из основных направлений языковой политики США и РФ в условиях глобализации.

Глобализация в большинстве исследований охватывает период с 1980 года по настоящее время. Однако с точки зрения анализа параметров государственной языковой политики США представляется целесообразным обратиться к несколько более раннему периоду – началу 1960-х годов. Именно тогда американское общество столкнулось с массовой временной миграцией (например, вынужденных переселенцев, или политических эмигрантов, которые

изначально планировали вернуться на родину). Движение за равные права различных социальных групп привели к смене ориентиров во внутренней политике, которые были законодательно зафиксированы в Законе о гражданских правах (Civil Rights Act of 1964) и Законе о двуязычном образовании (Bilingual Education Act of 1968).

Основной характеристикой государственной языковой политики США является её непостоянство и противоречивость. США были и остаются многоязычным государством, однако переход на доминирующий (английский) язык является неизбежным для большинства двуязычного населения. Полная потеря родного языка происходит в процессе жизни двух-трех поколений [17]. Языковое разнообразие поддерживается из двух источников: языки коренного населения (индейских племен) и постоянно прибывающие иммигранты. Английский язык при этом остается де-факто доминирующим языком американского общества. Главное противоречие заключается между признанием многоязычия, с одной стороны, и идеологическим английским одноязычием – с другой. Сохранение родного языка среди иммигрантов полностью находилось в ведении самих общин, на государственном уровне не принято мер по их сохранению, однако не существует и запрета на их использование. Доминирование английского языка в общественной жизни не оспаривается до тех пор, пока существует естественный билингвизм (знание английского и родного языков), однако массовое испанское одноязычие среди многочисленных иммигрантов из стран Латинской Америки, их низкий уровень владения английским языком служат поводом для опасений за статус английского языка.

В 1982 году сенатор С. Хайакава (S. I. Hayakawa) представил поправку в конституцию о признании английского языка официальным языком США. На протяжении последующих двух десятилетий в американском обществе шли ожесточенные дебаты о статусе английского языка.

Политическое движение «Только английский» (English Only) направлено на подавление большинства миноритарных языков. Основное требование сторонников «Только английского» заключается в том, чтобы английский язык был принят официальным языком государственных учреждений на всех уровнях. Это включает все общественные документы, записи, законопроекты, слушания, официальные церемонии и общественные встречи. Использование других языков разрешается только в сфере здравоохранения, службе безопасности, судебных процедурах, преподавании иностранных языков и стимулировании туризма. Логика рассуждений

сторонников движения вписывается в классическую парадигму экономической эффективности: отказ иммигрантов от родного языка – своеобразная «плата» за возможность пребывания в США. Поскольку США – страна экономических возможностей и иммигранты в любом случае более успешны экономически, они должны отказаться от права претендовать на статус языкового меньшинства; овладение английским языком – путь к экономическому и социальному процветанию; сохранение родного языка и культуры может вести к изоляции от основного населения и, следовательно, к социальному и культурному отставанию [17]. Ключевым тезисом является положение о том, что одноязычие – залог национального единства, а языковое, культурное, религиозное разнообразие представляет угрозу национальному единству и безопасности.

В 1987 году оппоненты политики «Только английский» организовали движение «Английский в придачу» (English Plus) и представили альтернативный текст поправок к конституции, который назвали «Поправка о культурных правах». Критика политики «Только английский» исходила от лидеров этнических групп и иммигрантов, от групп борьбы за права меньшинств и права иммигрантов, а также от профессиональных образовательных организаций – например, Ассоциации преподавателей английского языка как иностранного. (TESOL - Teachers of English to Speakers of Other Languages), Американского лингвистического общества (Linguistic Society of America), Американской ассоциации прикладной лингвистики (American Association for Applied Linguistics), а также от профсоюзов учителей, в частности Национальной ассоциации образования (National Education Association).

Основным предметом критики послужили следующие аспекты и последствия политики одноязычия: 1) игнорирует традицию гражданских прав в США, 2) не способствует интеграции детей из языковых меньшинств, 3) игнорирует необходимость американского бизнеса общаться с иностранными рынками, 4) ограничивает возможности правительства охватить своей деятельностью всех граждан, 5) способствует разделению общества и развитию враждебности по отношению к тем, для кого английский язык не является родным [18]. В ходе полемики приводились исторические факты сохранения многоязычия на территории США, например, иммигрантами из Германии, обосновавшимися в основном в штатах Пенсильвания и Огайо и использовавших немецкий язык в школьном образовании, в церкви и повседневно-

ном общении вплоть до начала Первой мировой войны, когда на волне антигерманских настроений они вынуждены были перейти на английский язык. Подчеркивалось, что не все иммигранты прибыли в США добровольно, многие вынуждены были покинуть свои страны из-за языковой, религиозной или этнической дискриминации. Экономический аргумент также рассматривался как релевантный, поскольку принимающее общество извлекает немалую выгоду от труда иммигрантов, их уровня профессиональной компетенции.

Кульминацией дискуссий о статусе английского языка стало принятие палатой представителей в 1996 году соответствующего законопроекта. Однако бездействие сената в данном вопросе затормозило федеральное решение по данному вопросу и перенесло его на неопределенный срок. Компромиссным вариантом стало решение о передаче полномочий о наделении того или иного языка официальным статусом от федеральной власти властям штатов. В настоящее время (2013 г.) в тридцати одном из пятидесяти штатов США английский язык наделен статусом официального языка. Решение о наделении английского языка соответствующим статусом зависит от самых разнообразных причин, в том числе показателей экономической активности или от этнического состава штата. В этом отношении показательны следующие примеры: исполнение закона о статусе английского языка в Аризоне, решение законодательного собрания штата Огайо и требования нью-йоркского департамента пассажирского такси.

Поправка к конституции штата Аризона о наделении английского языка официальным статусом на территории штата была принята на всенародном референдуме в 2006 году, причем разрыв между голосами составил менее одного процента. Демографические показатели штата (высокая доля испаноговорящего населения как результат территориальной близости к Мексике) послужили основным фактором, способствовавшим признанию официального статуса английского языка. Мотивы сторонников «Только английского» согласуются с общими требованиями движения: стимулировать новых иммигрантов к ассимиляции, предотвратить становление англо-испанского билингвизма, укрепить единство общества и сохранение единого наследия, экономия государственных средств (сокращение расходов на перевод). Общественный резонанс языковая политика штата Аризона приобрела в январе 2012 года, когда судья округа Юма на юге Аризоны отстранил Александрина Кабрера, гражданку США, от участия в выборах в городской совет Сан Луиса по

причине недостаточного владения английским языком для выполнения профессиональных обязанностей представителя общественности. Активисты движения в защиту прав иммигрантов заявили о дискриминации по причине выраженного акцента, «неполного» владения английским языком и обвинили судью в непонимании образа жизни в приграничном городе [19]. Со стороны США в Сан Луисе проживают 25 000 жителей, в то время как на мексиканской стороне численность города насчитывает 175 000 человек, многие жители рассматривают обе части как единое целое. Заседания городского совета зачастую ведутся на английском и испанском языках, что обусловлено естественным билингвизмом в ситуации языкового контакта. Официальный статус английского языка, таким образом, является механизмом подавления естественного билингвизма, что, в свою очередь, провоцирует дисбаланс в обществе и общественное напряжение.

Исследование Б. Еванс [20], посвященное языковой политике штата Огайо, показало, что рыночные механизмы и экономические показатели перевешивают идеологические предпосылки в дискуссии о статусе английского языка в США. Попытка законодательно признать английский язык официальным в штате Огайо, который де-факто таким и является (даже Комиссия штата по делам латиноамериканцев ведет свою деятельность на английском языке) в 2005 году закончилась неудачей. Законопроект был отправлен на доработку 65 голосами против 28. Газеты сообщили, что члены палаты представителей обеспокоены тем, что законопроект может негативно повлиять на решение компании «Хонда» о строительстве нового завода в штате Огайо, официальный статус английского языка может «отпугнуть инвесторов», а следовательно, лишить штат значительной части будущей налоговой прибыли. Законопроект типичен для идеологии «Только английский», однако приверженность идеологии оказалась слабее экономических факторов. Анализ опросов общественного мнения, проведенных в различные периоды (экономического роста и экономического спада), показал, что при благоприятной экономической ситуации общественное мнение по вопросам языковой политики может в значительной степени отличаться от общественных убеждений во времена экономической нестабильности.

Экономические факторы определили еще более лояльное отношение к плохому владению английским языком в г. Нью-Йорк. Одним из дискуссионных пунктов представленного в апреле 2012 года проекта регламента по таксопе-

ревозкам стало освобождение некоторых категорий водителей от обязательной сдачи экзамена на знание английского языка. Согласно действующим правилам, для получения лицензии на работу в «желтом» такси (официальное такси Нью-Йорка) водитель обязан сдать экзамен, в том числе на базовое знание английского языка. Только водители «желтого» такси имеют право перевозить «случайных» (остановивших такси на улице, а не по предварительному заказу) пассажиров. По новым правилам такое право получают и другие категории водителей, однако на овладение английским языком и сдачу соответствующего экзамена им предоставляется отсрочка на четыре года с момента получения лицензии. По мнению представителей Комиссии по такси (Taxi and Limousine Commission), это слишком короткий срок и водителей необходимо освободить от этого требования, потому что многие «не смогут сдать тест и в результате потеряют лицензию» [21].

Глобализационный период языковой политики Российской Федерации целесообразно отсчитывать с 1991 года, так как именно в 1991 году произошли огромные по своей значимости события. Смена политического курса, переход к новой экономической системе, выбор других культурно-нравственных ориентиров совпали с распадом СССР. Кардинальные перемены в общественной жизни затронули и языковую политику, однако не привели к её полному пересмотру. Языковая политика современной России сохранила свой централизованный и высоко институционализованный характер, главные перемены затронули идеологическую основу языковой политики. В новейшей истории России (период реализации проекта 2010–2012 годы) появляются феномены и явления, не имеющие аналогов в прошлом. В результате принимаемые государством меры по регулированию языковой ситуации несколько запаздывают. В настоящее время все аспекты языковой политики (планирование корпуса, планирование статуса и планирование освоения) приобретают особую актуальность в результате новых явлений в повседневности российского общества. Наиболее важными являются такие факторы, как переход на электронный документооборот, трудовая и образовательная миграция, наделение большей свободой негосударственных организаций (субъектов) в структуре общества, национальная самоидентификация народов России.

Российская Федерация является многонациональным и многоязычным государством, поэтому такой аспект языковой политики, как планирование статуса языков, направлено, во-первых, на поддержание статуса единого обще-

государственного языка как средства межнационального общения и, во-вторых, на предоставление определенных прав другим национальным языкам. Под влиянием глобализации отмечается рост мероприятий по планированию статуса иностранных языков.

Национальные группы в составе РФ, как правило, сосредоточены в конкретных территориальных образованиях, которые в большинстве своем представляют субъекты Российской Федерации. В результате географической концентрации в современной России не стоит вопрос о равном статусе двух или более языков. Как отмечалось выше, Российская Федерация представляет собой идеологически одноязычное государство, в котором широко распространено представление о том, что русский язык является общим для всех национальных групп и благодаря этой языковой общности возможно межнациональное общение. Однако высокий государственный статус русского языка является и поводом для беспокойства региональной общности о статусе регионального языка.

Рост национального самосознания в союзных республиках, во многом способствовавший распаду СССР в 1991 году, был характерен и для национальных республик, входивших в состав РСФСР, а затем Российскую Федерацию. Национальная интеллигенция стремилась к повышению формального и фактического статуса национального языка. Первым законодательным актом, регламентирующим статус языков на территории России, стал принятый в октябре 1991 года «Закон о языках народов РСФСР», действующий с дополнениями до настоящего момента. Как заявлено во вводной части, цель закона – «создание условий для сохранения и равноправного и самобытного развития языков народов Российской Федерации». Реализация поставленной задачи осуществляется посредством «формирования системы правового регулирования деятельности юридических и физических лиц, разработки нормативных правовых актов». Более поздние законодательные акты, в том числе Конституция РФ, «Закон о государственном языке РФ», расширяют и дополняют положения данного закона.

Статья 3 закрепляет статус русского языка в качестве государственного на всей территории России, статус других языков оставлен на усмотрение республик в составе Российской Федерации, которые, в частности, имеют право объявлять государственным те или иные языки помимо русского. В Законе обозначены сферы обязательного использования русского языка: работа высших законодательных органов страны, подготовка законопроектов; официальное

делопроизводство на всероссийском уровне, официальная переписка между республиками в составе России; судопроизводство в Верховном, Конституционном и других общероссийских судах; передачи всероссийского телевидения и радиовещания; деятельность зарубежных представительств (наряду с иностранными языками). В рамках гарантий языковых прав граждан государство гарантирует «осуществление основных политических, экономических, социальных и культурных прав вне зависимости от их знания какого-либо языка».

Анализируя государственную языковую политику 1991–2000 годов, В. Алпатов отмечает, что, несмотря на изменения в статусе некоторых миноритарных языков, «реальный статус русского языка в России в обозримом будущем измениться не может (если только распад государства не продолжится дальше)» [22, с. 164]. В качестве подтверждения своей мысли автор приводит слова А.Н. Баскакова о том, что русский язык при любой ситуации сохранит «исключительное применение в таких сферах, как естественно-технические науки, соответствующие виды высшего, среднего специального и профессионально-технического образования, информатика, наукоёмкие отрасли производства и пр., где применение национальных государственных языков нереально в настоящем и обозримом будущем» [23].

Глобальные тенденции экономики и соответствующие мероприятия языковой политики, а также рабочая практика различных служб и повседневность обывателя не всегда развиваются синхронно и в одном направлении. Расширение сферы использования иностранных языков в области товарно-денежных отношений и трансграничные перемещения товаров могут вызывать защитные меры в отношении к государственному языку. Приказ Федеральной таможенной службы «Об утверждении Административного регламента Федеральной таможенной службы по предоставлению государственной услуги по принятию предварительных решений о стране происхождения товара», например, следует требованиям закона «О языках народов РФ» и уточняет сферу использования русского языка при оформлении таможенных документов:

«Государственная услуга по принятию предварительных решений предоставляется на основании запроса Заявителя. Запрос составляется на русском языке и должен содержать все сведения, необходимые для принятия предварительного решения: полное коммерческое наименование, фирменное наименование; основные технические и коммерческие характеристики (назначение, сорт, марка, модель, артикул,

материал, из которого изготовлен товар, выполняемые товаром функции, описание индивидуальной и транспортной упаковки» [24].

На бытовом уровне возможность использования технических новинок с меню на русском языке признается конкурентным преимуществом. В качестве примера приведем описание глюкометра Акку-Чек® Комбо на сайте производителя [25]:

Особенности системы и их преимущества

- Беспроводная технология Bluetooth® соединяет инсулиновую помпу и пульт управления;
- Калькулятор болюса в пульте управления Акку-Чек Перформа Комбо;
- Меню на русском языке.

С одной стороны, глюкометрами, как правило, пользуются люди старшего возраста, которые в большинстве своем не обладают достаточным знанием иностранных языков для повседневного использования. С другой стороны, повседневность обывателя не предполагает необходимость коммуникации, даже на рецептивном уровне, в бытовых вопросах. Глобальные товары, локализованные в конкретном лингвокультурном сообществе, обладают большим потребительским потенциалом. Глобальность в данном случае всегда получает локальную форму.

В целом экономические факторы оказывают наибольшее влияние на выработку и осуществление мероприятий по сохранению языкового многообразия, стабильности его статуса и системы (в том числе коммуникативных моделей и традиционных этнокультурных дискурсов). Интенсивные миграционные потоки и признание принципов толерантности и прав человека как основы современной общественной жизни должны учитываться при разработке мер языкового регулирования. Мирное сосуществование (интеграция) возможно лишь при учете миграционной составляющей любого современного общества. Языковая политика в глобальном мире – чрезвычайно широкое понятие: планирование и регулирование языкового статуса зачастую осуществляется на идеологическом (метакоммуникативном и метапрагматическом) уровне. Так, несмотря на прецедентность статуса английского языка (исторически сложившееся доминирование) и многочисленные вызовы глобализации – поток иммигрантов, постоянное многоязычие, ксенофобия в обществе, давление экономических факторов, работа американских предприятий в других языковых ареалах – доминирующий статус английского языка в США не изменился. Наличие конституционных гарантий статуса русского языка как государственного и законов о его использовании не является залогом сохранения статуса [26]: участни-

ки коммуникации регулярно сталкиваются с необходимостью дополнительных мер языковой политики, в том числе популяризации престижа русского языка и культуры. Думается, что основная задача языковой политики в глобальном мире – эффективная идеологическая работа по формированию статуса государственного языка.

Список литературы

1. Swaan A. Words of the World: The Global Language System. Cambridge, UK: Polity, 2001. 253 p.
2. van Els T.J.M. The European Union, its institutions and its languages: some language political observations // Current Issues in Language Planning, Vol. 2. № 4. 2001. P. 311–369.
3. Ammon U. Present and future language conflict as a consequence of the integration and expansion of the European Union (EU). Paper presented at the XXXVI Congresso Internazionale di Studi della Societa di Linguistica Italiana, Bergamo. 2002
4. Лалетина А.О. Язык и норма в условиях глобализации и виртуализации общения // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2011. № 14. С. 44–50.
5. Crystal D. English as a Global Language. Cambridge, England: Cambridge UP; 1997. 150 p.
6. Phillipson R. Linguistic imperialism. Oxford, New York: Oxford University Press, 1992. 365p.
7. Швейцер А.Д., Никольский Л.Б. Введение в социолингвистику. М.: Высшая школа, 1978. 215 с.
8. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика: Пособие для студентов гуманитарных вузов и учащихся лицеев. 2-е изд., испр. М.: Аспект Пресс, 2000. 207 с.
9. Neustupny J. V. Basic types of treatment of language problems // Linguistic Communications, Vol. 1. 1970. P. 77–98.
10. Prague School. General principles for the cultivation of good language. Garvin Paul L (trans.) // Language planning: current issues and research / ed. by Rubin, Joan and Shuy, Robert. Washington, D.C., 1973. P. 102–111.
11. Sibayan B. Language policy, language engineering and literacy in the Philippines // Advances in language planning / Fishman, J. (ed.) The Hague: Mouton, 1974. P. 221–254.
12. Jernudd B. Language management and language problems // Special issue of Journal of Asian Pacific Communications Vol. 11, issue 1, 2001. P. 1–8.
13. Berthoud A-C. Language policy and planning / Anne-Claude Berthoud and Georges Lüdi // The SAGE handbook of sociolinguistics / ed. by Wodak, R., Johnstone, B., Kerswill, P. Los-Angeles: SAGE. 201. P. 479–495.
14. Haugen E. Planning for a Standard Language in Modern Norway // Anthropological Linguistics, Vol. 1. № 3. 1959.
15. Kloss, H., Verdoodt A. Research Possibilities on Group Bilingualism: A Report. Quebec: International Center for Research on Bilingualism, 1969. 91 p.

16. Cooper, R.L. *Language Planning and Social Change*. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. 216 p.
17. Fishman, J.A. *Language Loyalty in the United States: The Maintenance and Perpetuation of Non-English Mother Tongues by American Ethnic and Religious Groups*. The Hague: Mouton. 1966. 478 p.
18. Wiley, T.G., Lukes M. *English-Only and Standard English Ideologies in the United States // TESOL Quarterly*. 1996. Vol. 3. P. 511–530.
19. Schwartz, D. Arizona candidate appeals English ability court decision. Reuters, 27.01.2012. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.reuters.com/article/2012/01/28/us-arizonalanguage-idUSTRE80R06F20120128>
20. Evans B. English as official state language in Ohio: economy trumps ideology // *Language and the market / ed. by Kelly-Holmes, H., Mautner, G.* Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2010. P. 161–170.
21. Donohue P. No English, no problems for new liveries [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nydailynews.com/new-york/livery-cab-drivers-pick-street-hails-english-article-1.1063379#ixzz1tp6wtG6A>
22. Алпатов В.М. 150 языков и политика. 1917–2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М.: Крафт+, Ин-т востоковедения РАН, 2000. 224 с.
23. Баскаков А.Н. Социолингвистические аспекты языкового законодательства в Российской Федерации // *Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках*. М., 1994.
24. Об утверждении Административного регламента Федеральной таможенной службы по предоставлению государственной услуги по принятию предварительных решений о стране происхождения товара [Электронный ресурс]: приказ Федеральной таможенной службы от 30.09.2011 г. № 1978. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2012/01/18/fts-reglament-dok.html>
25. Система Акку-Чек комбо: Технические характеристики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.accu-chek.ru/ru/products/pumps/combo.html>

LANGUAGE STATUS POLICY IN A GLOBAL WORLD (BASED ON THE LANGUAGE POLICY OF THE USA AND RUSSIA)

A.O. Laletina

The article focuses on the comparative analysis of theoretical and practical dimensions of the language status policy in the USA and Russia.

Keywords: globalization, language policy, language status, English language, Russian language.